ЛБЧ
690

Л64
690

И. Галактионов

ПЕРВОПЕЧАТНИК
ИВАН ФЕДОРОВ

2050/

Государственное Издательство
Москва · Петроград
1922

Л64 690

И. Галактионов

ПЕРВОПЕЧАТНИК
ИВАН ФЕДОРОВ

2050/

Государственное Издательство
Москва • Петроград
1922

Настоящее издание напечатано в количестве 2000 экз. в типографии имени
ИВАНА ФЕДОРОВА

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
780257

Гиз. № 1211.

Появление книгопечатания на нашей родине произошло тогда, когда она еще не переживала тяжелого царствования Иоанна Грозного. Летописи отмечают 1551 год, когда Стоглавый Собор, созванный Иоанном для уничтожения „неустроенія и смуты“, занялся выработкой постановлений для подъема упавшей народной нравственности и, главным образом, невежества духовенства, причем высказывал, что хотя священник обязан был „заводить училища въ своемъ домѣ“, а между тем „въ попы и дьяконы приходится ставить лицъ, которыя грамотѣ мало умѣютъ“. Собором было указано „соблюдать неуклонную точность въ перепискѣ богослужебныхъ книгъ“ и напоминалось духовенству, что „писцы пишутъ съ неправленныхъ переводовъ, а написавъ не правятъ же; опись къ описи прибываетъ, и недописи и точки непрямыя; и по темъ книгамъ въ церквахъ Божіихъ чтутъ и поютъ и пишутъ съ нихъ“. Но такие предписания, как и всякие предписания

вообще, не достигли цели, и книги продолжали переписываться с ошибками и неряшливо.

Мысль о пользе и необходимости ввести у нас книгопечатание явилась до Иоанна, и исследователи говорят: библиограф Строев: „честь россійскаго Гутенберга принадлежитъ датчанину Іоганну Богбиндеру“; под его, будто-бы, надзором в 1564 году вышла из московской книгопечатни первая книга; Федорова же Строев называет только „сотрудникомъ“ Богбиндера. Карамзин утверждает, что еще в царствование Владимира Великого придворный врач, половец Смера, печатал свои письма литерами, сделанными из железа. Погодин приводит по старым летописям факт, что в 1547 г. было поручено от русского правительства саксонцу Шлитту приискать в Германии способных людей для различных искусств и, между прочим, для книжного дела; хотя его поручение не состоялось вследствие препятствий, поставленных из ревности Ливонским орденом, тем не менее следует допустить, что многие мастера попали все-таки в Россию, и могло случиться, что между ними были сведущие в книгопечатном деле. Английский посланник Флетчер, живший в Москве при царе Федоре Ивановиче, пишет, „что Великая Русь обязана своимъ

книгопечатаніемъ Польшѣ, откуда, по его словам, были привезены в Москву типографскій станокъ и литеры". Относительно этого известия Румянцев замечает, что если и были привезены из Польши типографские литеры, то не этими литерами чужеземного изготовления печатаны первые московские издания, так как по строгой выдержанности и чистоте московского пошиба во всех буквах и знаках первопечатной русской азбуки видно, что для них пунсоны сделаны в Москве рукою русского мастера и, вероятно, Ивана Федорова. Иностранная резьба русских букв непременно обличила бы себя какими-нибудь уклонениями от здешнего типа. Соловьев упоминает о каком-то мастере печатных дел, Маруше Нефедьеве, который, будто бы, раньше Федорова занялся печатным делом, но и этот мастер, оказывается, не более как один из тех „клевретов", которые помогали Ивану Федорову. Снегирев в „Русском Историческом Сборнике" (ч. IV, кн. 1) упоминает о письме царя Ивана Васильевича к датскому королю Христиану III в 1510 г., которым царь, будто бы, просил его о доставлении в Москву разных художников, особенно книгопечатников, что король и обещал. В русских летописях нет никакого известия об этом письме, но известно,

что в мае 1552 г. прислан в Россию из Дании Ганс Миссенгейм или Ганс Богбиндер с целью распространения лютеранства. Этот Богбиндер привез, действительно, с собою две печатные книги и Библию и, как значилось в грамоте, должен был перевести их на русский язык и напечатать в нескольких тысячах экземпляров. Никаких других сведений о пребывании Богбиндера в России не имеется, а содержание грамоты указывает, что цель приезда Богбиндера состояла лишь в том, чтобы склонить царя принять лютеранскую веру; книгопечатание же указано, как средство к скорейшему распространению этой веры. Хотя не имеется исторических документов, какой ответ был дан послу, но, конечно, предложение могло быть только отвергнуто, тем более, что, по справедливому замечанию Соловьева, невероятно, чтобы царь поручил устроение типографии человеку, присланному явно с целью распространения протестантизма.

Последний толчок к введению на Руси этого нового дела, каким являлось тогда для нее книгопечатание, дало завоевание в 1553 году Казанского царства, после которого приступлено было к постройке множества новых церквей и среди книг, приобретенных для них на торжи-

щах, оказалось, что очень немногие годились к употреблению, а большинство, по выражению Максима Грека, были „вси растлѣны отъ преписующихъ, ненаученыхъ сущихъ и неискусныхъ въ разумѣ“. Этот случай и встреча царя в Сергиевской Лавре с известным Максимом Греком, который указал царю на необходимость устроить типографию для печатания книг, как единственное средство, могущее исправить книги, заставили царя задуматься над введением книгопечатания.

Вернувшись в Москву и посоветовавшись с митрополитом Макарием, который сказал, „что съ великой радостью благословляетъ царя и его намѣреніе“, и „что мысль о книгопечатаніи внушена царю Богомъ и что это даръ свыше сходящій“, Иоанн, выяснив в общих чертах хозяйственную сторону нового дела, отдал приказ „пріискивать мастеровъ типографскаго искусства“. Со свойственной ему энергиею и живостью царь приступил к выполнению своего замысла, приказав строить дом для печатни в самом центре Москвы, на Никольской улице.

Предполагая, что на Руси не может быть книгопечатников, царь поручает немцу Шлитту найти у себя „въ нѣмецкой землѣ разныхъ мастеровъ и художниковъ, а въ томъ числѣ и типографщиковъ“.

Но и эта попытка окончилась неудачей. Во время хлопот по приисканию типографщиков вдруг оказывается, что в самой Москве объявились люди, знакомые с этим, казалось, еще невиданным для нас делом и, кроме этого, люди эти не только знали искусство печатания, но, по словам современников, и „возлюбили его всѣмъ сердцемъ“.

Но, несмотря на то, что на постройку дома, получившего название „Печатного Двора“ и ставшего колыбелью русского печатного искусства, царь не жалел издержек, дело постройки тянулось ровно десять лет и в 1563 г. оказалось возможным открыть двери первой русской типографии.

Человек, которому было поручено Иоанном это новое дело, не убоявшийся такого подвига, — иначе нельзя назвать приступа к печатанию книг в то далекое от нас время, — был дьякон церкви Николы Чудотворца Гостунского Иван Федоров, да еще некто Петр Тимофеев, прозванный Мстиславцем, вероятно, от места его родины.

Имя первопечатника Ивана Федорова должно быть увековечено на-ряду с другими именами великих сынов Руси, поэтому следует сохранить в памяти образ человека, смело поло-

жившего начало великой культурной работе на пользу нравственного и умственного развития нашей родины.

Если мысленно перенестись в далекое от нас царствование грозного царя Иоанна IV, то каждого охватит жуткое чувство. Грозный царь, отсутствие грамоты и просвещения, страшная разбросанность городов и селений, отрезанных один от другого безграничными непроходимыми лесами, бездорожие, совершенно беспросветная тьма, — все это покажет, как трудно было делать тогда то новое, но необходимое дело, за которое взялся Иван Федоров и которое является почти единственным светлым лучом из времен царствования Грозного.

Из века грозного, из крови и печали
Годин опричины, как солнце в мрачный день,
Как ясный мир из непроглядной дали,
Мелькнет пред Вами Федорова тень.

Царь, решив создать книгопечатание, устройство типографии вверил Ивану Федорову и его товарищу Петру Тимофееву Мстиславцу, как людям, бывшим уже опытными в печатном деле.

Наука до сих пор, придерживается самых разнообразных мнений по вопросу о том, кто познакомил и научил Ивана Федорова печатному искусству и преподал ему основы этого

дела. Наиболее распространенное и достоверное мнение приписывает эту честь Максиму Греку, который, живя в Сергиевской Лавре до 1563 года, напечатал тайно несколько книг, но без указания, где и когда они напечатаны. К напечатанным до постройки Печатного Двора книгам можно отнести „Тріодь постную“, хранящуюся в Воскресенском монастыре; в ней отсутствует выходной лист, но имеется надпись от руки „1562“, и в особенности „Учебную Псалтирь“, вполне достоверное и точное указание на которую нашел архимандрит Леонид в „Описной книгѣ церквей Княгининского уѣзда Нижегородской губ.“ 1672 года, но экземпляра этой „Псалтири“ еще не найдено, а между тем этот исследователь считает „Псалтирь“ первой печатной московской книгой XVI века. Здесь-то, по всей вероятности, и приобрел свои познания Иван Федоров, так как он показал себя тонким знатоком всех отраслей печатного дела и умел не только набирать книги, не только печатать их, но и вырезать пунсоны, делать матрицы и отливать литеры.

Максим Грек представлял собою одного из ученейших людей того времени и был знаком с искусством книгопечатания, которому научился у знаменитого итальянского типограф-

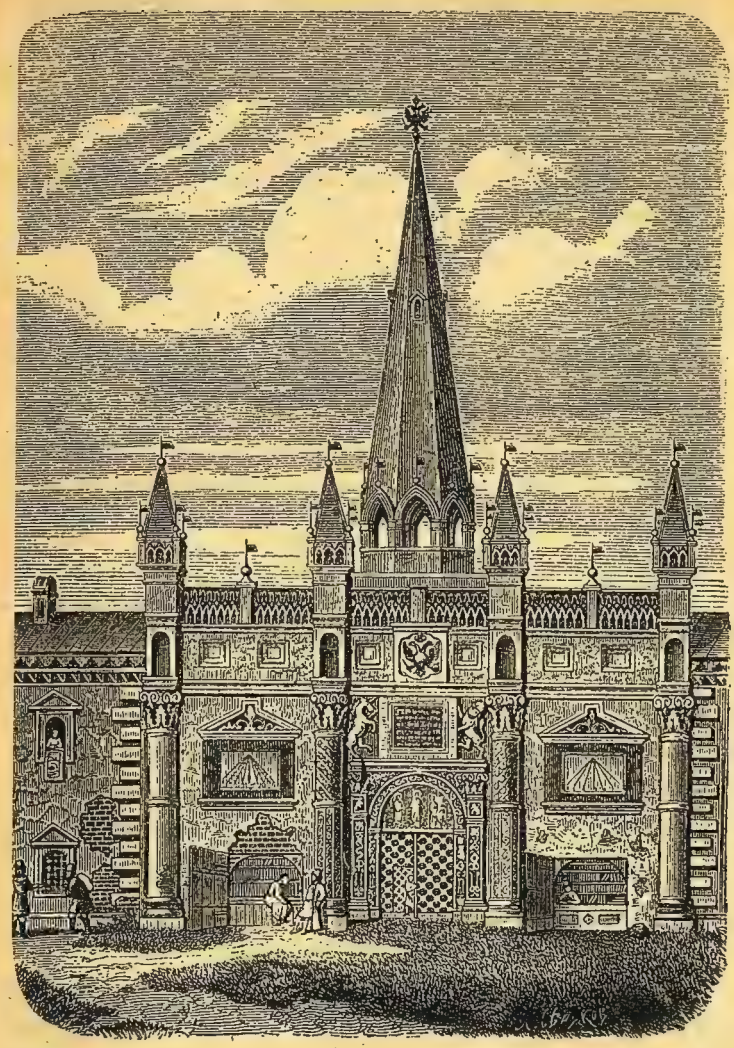
щика Альда Мануция, именно этого человека и приходится считать тем, который научил печатанию Ивана Федорова; за то, что это так, свидетельствуют те типографские термины, которые применялись тогда и сохранились до нашего времени.

Так, в древних книгах находим название тередорщик, равняющееся названию печатника; так как по-итальянски печатать tiradore, то не подлежит сомнению, что это название „тередорщик“ перешло к нам с итальянского языка. Батырщик, т. е. набойщик или накладчик краски на литеры, — происходит от итальянского battribore; пиан — верхняя доска в печатном станке для давления — от piano; тимпан — четырехугольная рама при станке, которую прежде оклеивали пергаментом и на которую накладывается печатающийся лист — от итальянского timpano; фрашкет, которым прикрывают печатающийся лист, — от frascato; маца — кожаный, набитый шерстью мешочек с рукоятью для набивки краски на литеры, называется по-итальянски одногласно mazza; марзан — margine; пунсон — punzone, все эти термины встречаются в смете 1612 года и расходных книгах так называемого „печатного приказа“, начиная с 1620 года.

Но кто бы тайно ни печатал книги до Федорова, он, а не кто иной, должен считаться родоначальником русского книгопечатания, эта честь должна принадлежать ему и никому больше, как честь изобретения книгопечатания принадлежит Гутенбергу, несмотря на указания существования книгопечатания задолго до него.

Точных сведений о прошлом нашего первопечатника почти не сохранилось, лишь одно предание упоминает, что он родился около 1520 года в Лихвинском уезде, Калужской губернии, и происходил из духовного звания, но как и где прошла его молодость, об этом ничего неизвестно, а ко времени появления его в типографии он был уже вдовцом и имел сына Ивана, впоследствии ставшего помощником своего отца.

Иоанн Грозный, построив Печатный Двор и пригласив первопечатников, не только старался обеспечить их материально, но и заботился об их спокойствии: „повелѣлъ царь,—говорится в одном сказании,—нещадно даяти отъ своея царскія казны на содѣлованіе тѣмъ мастеромъ Іоанну и Петру и прочимъ клевретомъ ихъ, изобрати ихъ и повелѣлъ имъ даяти упокоенія многа зѣло“.



Древний Печатный Двор в Москве.

Печатный Двор представлял собою большое каменное здание в два этажа, с слюдяными окнами; кровли и другие пристройки деревянные; типографский двор окружен был острым частоколом, причем на Никольскую улицу выходили деревянные ворота с кровлей.

С одной стороны стояло посольское подворье, которое находилось на дворе Белобородa; с другой же стороны—Никольский (с 1654 г. Греческий) монастырь, рядом с которым по всей Никольской улице находились торговые ряды, церкви, монастыри, дворы, принадлежавшие тогдашней знати, и т. д. Помещение здесь типографии,—замечает справедливо Румянцев,—было удобно во многих отношениях: оно было близко к Кремлю—жилищу царей и первосвятителей, которые всегда с особенным вниманием следили за изданием святых книг и даже по временам посещали Печатный Двор сами. Кроме того, находясь в средоточии торговли, помещение это представляло немаловажные удобства как для заготовления и покупки разных типографских материалов, так и для самого сбыта печатавшихся книг.

1-го марта 1564 года из Печатного Двора выпущена была первая печатная книга „Дѣянія Апостольска и посланія соборная и святаго

апостола Павла посланія“ или, как ее сокращенно называют, „Апостол“, заключавшая в себе 267 листов = 534 страницы по 25 строк в каждой. В книге, помимо различных украшений в виде заставок, помещен рисунок, изображающий евангелиста Луку, держащего перед собою развернутый свиток, на котором написано: „первое убо слово“.

„Апостол“ напечатан шрифтом, близким к полууставу XVI века, с небольшим наклоном в правую сторону; прописные буквы вдвое больше строчных; очко, т. е. величина букв, всюду одной меры, так что строчки выглядят совершенно ровными, расстояния между буквами одинаковы и сами буквы отлиты так отчетливо, что ни одна из них не кривит и не косит набора; расстояние между строками равномерно, некоторые отдельные слова, в подражание рукописям, не отделены, а набраны вплотную; знаков переноса нет, оглавление статей, счет зачал, прописные буквы в тексте, вставки в тексте и на полях напечатаны красной краской. Украшения, вязь, заставки и начальные буквы подобраны в одном стиле и оригинальны. Строки и буквы киноварью встречаются и около текста на полях, а иногда киноварные строки начинаются черной буквой. При оконча-

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

нии большой части статей строки, постепенно укорачиваясь с обоих концов, образуют нисходящий угол, который заканчивается точкою. Недостатком набора можно признать отсутствие между некоторыми словами пробелов, а также иногда их неравномерность, но, конечно, ставить это в упрек первопечатнику невозможно, принимая во внимание тогдашние средства, да и все это с лихвой искупается тщательностью верстки, безукоризненной прямотой линии строк, приводкой киноварных букв и равномерностью краски. „Так печатаются только типографские образцы в наше время“, сказал В. Румянцев в 1872 году — и это лучше всякой похвалы, а П. М. Строев о всех вообще книгах, изданных нашими первопечатниками, дает в 1829 г. такой отзыв: „Шрифты их красивы, соразмерны, отменно четки; оттиск тщательный; бумага белая, добротная; изображения и заставки (резные на дереве) изрядны. Сравнивая сии первенцы славянской типографии с нынешними церковными книгами и делая соразмерную посылку на все, можно подумать, что тогда-то был золотой век образованности“ — это то же самое, что говорил Румянцев.

Тщательное исследование первопечатного „Апостола“ дало возможность знатокам типо-

[illegible]

Первое оубо слово сотворихъ о всѣхъ, ѡ Ѳеѡфиле. ѡ нихже начатъ Іс҃ творити же и оучити. до негоже дне, заповѣдавъ апостоломъ духомъ святымъ, ихже избра вознесеся. пред нимиже и постави себе жива по страданіи своемъ. во многихъ истинныхъ знаменіихъ. днми четыредесятьми являяся имъ и глаголя яже о царствіи божіи. с нимиже и ядый, повелѣваше имъ ѿ Іерусалима не ѿлучатися. но ждати обѣтованіе ѿчее, еже слышасте ѿ мене. яко Іѡаннъ оубо крестилъ есть водою. вы же имате креститися духомъ святымъ, не по мнозѣхъ сихъ днехъ. они же оубо сшедшеся, въпрашаху зач. а҃

во святую и великую нд҃лю пасхи. и на вознесеніе гн҃е

б҃

Первый лист „Апостола“ 1564 года.

графского дела определить, что весь шрифт, которым отпечатана эта книга, не был привезен из заграницы или из какой-нибудь другой, хотя бы и славянской, земли, а был изготовлен в самой Москве, по особому, отличающемуся от современных ему славянских шрифтов, образцу, сохраняющему „строгую чистоту и правильность московского пошиба письма во всех буквах и знаках". В конце книги помещено послесловие, которое кратко рассказывает, как была осуществлена типография и что вызвало ее создание.

Заставки „Апостола" дают лишнее свидетельство о том, что первопечатник получил свои знания от итальянцев, так как по своему рисунку они резко отличаются от тех, которые применялись в рукописях, даже современных „Апостолу". В нем, как и в других первопечатных книгах, орнаментация — так называемая фряжская, пришедшая к нам из Италии; так, рамка на гравюре евангелиста Луки имеет стиль Возрождения, распространенный тогда в Италии; заставки и инициалы, представляющие на черном фоне древесные ветви с крупными изгибающимися листьями, цветами и плодами, сходны с архитектурными украшениями дома La Trémoille в Париже, построенного итальянцем.

Евангелист Лука — гравюра из „Апостола“ 1564 года.

Изучение самого текста „Апостола“ установило, что первопечатники имели под рукой немало славянских рукописей различных переводов и редакций, и, руководствуясь этими рукописями, а отчасти и своим знанием, они внесли в текст очень много новых исправлений, безусловно удачных и верных, и приблизили текст к тому, который принят в настоящее время. Самый язык „Апостола“ значительно очищен от устаревших и инославянских форм и слов и приближен к современному нам языку.

Историк так говорит об этой книге: „Чистота, отчетливость букв и красота в книгах первой печати нашей поразительны“.

В следующем 1565 году вышел „Часовник“ в 172 листа = 344 страницы по 13 строк. Напечатан он тем же шрифтом, что и „Апостол“, как об этом указывает и сам первопечатник в послесловии к „Часовнику“. Заставки, состоящие из переплетающихся линий, иногда с очертаниями листков или цветков, очень близко повторяют рисунок и изящную резьбу некоторых венецианских заставок того же рода, что опять доказывает влияние Максима Грека.

Между 1564 и 1568 гг., как доказано в 1883 г. наместником Троице-Сергиевской лавры арх. Леонидом, было напечатано „Евангелие“ в

388 листов = 776 страниц по 15 строк. Оно, как и предыдущие издания, напечатано с киноварью, причем заставка перед Евангелием Иоанна взята из „Апостола", а фигуры на полях и цветки те же, что применены в позднейшем Евангелии, которое никогда ни у кого не вызывало сомнений в том, что оно московской печати. Арх. Леонид, основываясь на типографских и филологических данных, доказывал, что это Евангелие является произведением Ивана Федорова, а не южно-русской печатни, как это думали до 1883 года.

Благополучное выполнение великого подвига — выпуск первых печатных книг вдруг, во множестве экземпляров, заменивших рукописные книги, удобство и легкость чтения по ним и наконец, дешевизна должны были показаться для современников чудом или колдовством. И как ни было хорошо выполнено это дело первопечатником, оно должно было прерваться и подвергнуться гонению вместе с своими создателями.

Первое, с чем пришлось встретиться первопечатнику, — это зависть. Есть мнение в наших летописях, указывающее, что появление печатных книг вызвало против себя неудовольствие со стороны переписчиков, которые увидели в

них врагов, подрывающих заработок; но трудно признать это мнение справедливым и вот почему: переписчики представляли собою людей разрозненных и не имевших никакого влияния на лиц, имущих власть, и поэтому вряд ли они могли объединиться для борьбы с первопечатниками, находящимися под покровительством Иоанна, да и сам Иван Федоров в одном из своих послесловий указывает на тех, кто были его завистники, от кого ему пришлось потерпеть невзгоды. „Не отъ царя шло озлобленіе“,— говорил он. Завистниками его были целые организованные тогда сословия и самые влиятельные люди: начальники, священноначальники и учители. Начальники — это, очевидно, начальники приказов, которые могли завидовать тому, что ни один приказ не пользовался таким вниманием и милостями царя, как Печатный Двор, и что великое Государево дело поручено какому-то никому неизвестному дьякону.

Книга в древней Руси считалась драгоценностью и по материалу своему и по своему назначению. Старые русские люди были верующими и поэтому Евангелие, Библия, церковно-богослужебные книги — вот преимущественно книги Руси. Люди относились к книге с уважением и каким-то священным страхом: уронить

лист из такой книги на землю считалось большим грехом; книги, пришедшие в ветхость, не бросались, а сжигались, как сжигались старые иконы.

А так как в то время достаточно было обвинить человека в еретичестве или колдовстве, чтобы сгубить его, то этот-то способ, видимо, и употребили сильные завистники Федорова, указав, что изготовление книг печатным способом — не что иное, как колдовство.

Печатный Двор был подожжен и сгорел, а с ним погиб и печатный станок; удалось спасти только печатные матрицы и резные доски для украшений, которые и сослужили хорошую службу в дальнейших странствованиях Федорова.

Чтобы избежать костра, который уже рисовался в воображении первопечатника, ему ничего не оставалось, как последовать совету товарища своего Петра Мстиславца и бежать в Литву, где, по мнению Мстиславца, паны и духовенство были просвещеннее и добрее московских бояр и духовных властей.

Сам Иван Федоров так рассказывает об этом: „Друкарня составилась въ Москвѣ въ 1563 году. Мы подвержены были тамъ безпрестанно всякимъ озлобленіямъ, но не отъ самого государя, а отъ многихъ начальниковъ, духовныхъ и

свѣтскихъ, которые изъ зависти умышляли на насъ многія ереси, намѣревались благо превратить во зло и погубить въ конецъ Божье дѣло. Такъ обыкновенно поступаютъ невѣжды, люди злонравные, неискусные въ разумѣ, ненавыкшіе грамматической хитрости, то-есть чуждые духовному разуму. Понапрасну, всуе, пронесли они злое слово. Вотъ она зависть и ненависть, сама себѣ невѣрующая, неразумѣющая, что дѣлаетъ и на чемъ утверждается. Она выгнала насъ изъ земли нашей, изъ отечества и изъ рода нашего, она переслала насъ въ незнакомыя страны".

При чтении этих простых и бесхитростных строк встает величавый облик первопечатника, горько печалующийся, что ему так не долго пришлось поработать над насаждением книгопечатания у себя на родине и что работа его должна была прекратиться не за отсутствием у него уменья или энергии, а только из-за зависти и злобы, которые вызваны были его исключительным талантом.

В Литве первопечатников приютил гетман Ходкевич; он поручил им в своем имении Заблудовье, Гродненской губ., Белостокского уезда, как „людямъ наученымъ, устроить верстак друкарскій", снабдил разными потребами,

пищею и одеждою, а Ивану Федорову отдал даже целую деревню (село) для спокойствия его.

Здесь в 1569 году они напечатали „Евангелие Учительное“ в 407 листов = 814 страниц по 28 строк, с киноварью и черной заставкой. В этой книге опять употреблена та же азбука и те же украшения, что и в первопечатном московском „Апостоле“, и это подтверждает предположение, что первопечатники принесли с собою в Заблудовье спасенные от пожара в Москве пунсоны шрифта и украшения. На обороте заглавного листа этого Евангелия помещен герб гетмана Ходкевича. А в предисловии к книге говорится: „Не пощадѣхъ отъ Бога дарованыхъ ми сокровищъ на сіе дѣло дати, къ тому же изобрѣтохъ себѣ въ томъ дѣлѣ друкарскомъ людей наученыхъ Ивана Федоровича Москвитинина, да Петра Тимофеевича Мстиславца, повелелисмы имъ учинивши варштатъ друкарски выдруковати сію книгу Евангеліе учительное“.

В 1570 году напечатали „Псалтирь с Часословцем“ в 293 листа = 586 страниц по 17 строк, той же московскою азбукою с фигурно-прописными буквами и заставками, но, к сожалению, полного экземпляра этой книги еще не найдено.

Но если в Москве, где он блестяще преодолел технические трудности нового дела,

пришлось так плохо первопечатнику, что он, спасая свою жизнь, а с нею вместе и свое искусство, бежал оттуда, то и здесь пребывание его было постоянною борьбою за свое призвание, за свое печатное искусство и выдерживать эту иногда положительно невозможную борьбу ему помогало только воодушевление и взгляд на свое дело не как на ремесло, а как на подвиг, как на задачу, правильному решению которой он должен отдать свою жизнь.

Закончив эти два издания и уверенный, что нашел тихую пристань „разсѣевать слова Христа по вселенной", он хотел приступить к новым работам, как обласкавший первопечатника Ходкевич, вероятно, возбудил против себя неудовольствие в католическом духовенстве и шляхте покровительством какому-то московскому печатнику и славянскому (следовательно, православному) книгопечатанию. Это побудило вельможу оставить хлопотливое дело после того, как он удовлетворил своей прихоти и честолюбию, напечатав и выпустив две указанные выше книги. Ходкевич думал, что и Федоров будет рассуждать точно так же и, конечно, предпочтет спокойное житье и занятие хозяйством в деревне хлопотливому, тяжелому и, как казалось Ходкевичу, неблагодарному занятию печатным

искусством, вызывавшим неприятности, злобу и клевету и поэтому, наградив его землею за понесенные труды, приказал оставить печатное дело, а заняться хлебопашеством в своем селе.

Но в этом идеалисте и страстном приверженце печатного дела Ходкевич встретил неожиданный отпор. Иван Федоров остался, как и прежде, стойким борцом за просвещение и распространение книгопечатания.

Жутко стало Федорову, когда перед ним встал роковой вопрос: принять ли доброе предложение Ходкевича и заняться спокойным трудом на земле, или, во имя своей великой идеи „распространять просвѣщеніе“, пойти опять в новые, чужие места и там искать работы, отвечающей его призванию? Решившись на последнее, он говорит: „Если я отъ его милости пана Григорія Ходкевича и былъ снабженъ всякими тѣлесными потребами, и пищею, и одеждою, я не дорожилъ этимъ, неправды не позволялъ, хищенія не желалъ, если и много стекалось богатства, не прилагалъ я къ нему сердца своего, но готовъ былъ терпѣть всякія скорби и бѣды, да множае умножу слово Божіе и свидѣтельство Іисус Христово. Предложилъ мнѣ панъ Григорій Александровичъ заняться „земледѣліемъ“ въ подаренномъ мнѣ селѣ и обѣщалъ мнѣ всякую

поддержку, но не мнѣ заниматься сохой или сѣяніемъ сѣмянъ; призваніе мое вмѣсто сохи дѣйствовать художественнымъ орудіемъ и, вмѣсто житныхъ, сѣять по всей вселенной сѣмена духовныя. Грѣхъ мнѣ зарывать въ землю талантъ, данный мнѣ отъ Господа. Размышляя о томъ въ своемъ сердцѣ, горько я плакалъ: въ своемъ уединеніи, множицею слезами моими постелю мою омочахъ".

Федоров бросает все — и обеспеченное Ходкевичем положение, и „не малую деревню", забирает свой типографский багаж и, нагрузившись дорогими ему орудиями своего дела, отправляется, конечно, пешком в Галицию.

Утомителен и нелегок был новый путь первопечатника. „Многи скорби и бѣды обрѣтоша мя на пути", — говорит он в одном из своих послесловий и что особенно затрудняло его — это „презѣльное моровое повѣтріе, смерти тѣнь окружила", так как вокруг свирепствовала моровая язва.

Но вот он в Львове, все скорби рассеялись как дым, и в сердце его „Любовь Божія снова разгорѣлась духомъ святымъ, даннымъ ему". Обращаясь в послесловии к Богу, он в трогательных словах просит: „Не отними отъ устъ моихъ словесе истиннаго, ради братій моихъ и ближнихъ моихъ".

Для типографщиков, как его последователей, должна быть поучительна эта тяжелая нравственная борьба Ивана Федорова, которую он выдерживал за свое призвание, его удивительная и непоколебимая стойкость среди всяких житейских невзгод и соблазнов. В сравнении с его великим духом малы и ничтожны кажутся те, кто высокое служение науке и искусству скоро и легко меняют на другие, более выгодные в материальном смысле, карьеры.

В Львове он встретил новое испытание. Здесь пришлось выдержать борьбу с общественным равнодушием. На устройство новой печатни у него не было средств и, чтобы достать их, он ходил по домам „богатыхъ и благородныхъ людей", умолял их о помощи, „творилъ метания, касаясь колѣнъ, кланяясь ницъ, припадая к лицу земному, каплющими слезами омывая ихъ ноги", но все было напрасно—и глухи были к его просьбам. Сердца большинства людей, окружавших его, были черствы и только несколько священников в храмах своими проповедями-воззваниями призывали богатых прихожан поддержать своими жертвами новое дело — книгопечатание. Но и эти проповеди не принесли пользы. „И плакалъ онъ горькими слезами, что не нашелъ милующаго, ниже

помогающаго"; и откликнулись на эту его слезную просьбу только „нѣціи въ іерейскомъ чину, и иніи не славніи въ мірѣ, не отъ избытка, а отъ лишенія своего".

Надо думать, что, помимо церковных сборов, ему оказало серьезную помощь местное православное Успенское братство, что подтверждается грамотой короля Сигизмунда III, относящей основание типографии в Львове к 1572 году, то-есть, как раз к тому времени, когда туда прибыл Иван Федоров. Типография существовала там до последнего времени.

Здесь, среди всяких скорбей и бед, им напечатан „Апостол Львовский" — в 278 листов = = 556 страниц по 25 строк, с киноварью, по образцу Московского, той же азбукою, с теми же заставками и заглавными буквами; начат он печатанием 25 января 1570 года и окончен 15 февраля 1574 года. Издание это, за исключением предварительных статей на первых 14-ти полулистах и послесловия, ничем не отличается от первенца русской печати — „Апостола" 1564 г., даже рамка, окружающая изображение евангелиста Луки, оттиснута московскою доскою, хотя самое изображение и вырезано вновь мастером, скрывшим свое имя под буквами: W. S. В конце „Львовского Апостола" находится большой

орнамент, в котором между листьями и цветами помещены герб города Львова и знак типографа с подписью внизу: „Іоаннъ Ѳедоровичь, друкарь Москвитинъ". В послесловии же, озаглавленном „Сія убо повѣсть изъявляет откуда начася и какъ совершися друкарня сія", рассказывается, как и почему типографский станок первопечатника из Москвы принужден был переселиться в Литву.

Целых пять лет, кое-как перебиваясь, влачил он свое жалкое пребывание в Львове вместе со своим сыном Иваном, который был в это время переплетным мастером. В конце концов, он дожил до такой крайности, что принужден был заложить все напечатанные книги и принадлежности своей типографии, формы или матрицы и 140 книг на русском языке за 411 злотых какому-то еврею, что видно из решения львовского суда 1584 года.

Существуют предположения, что Федоров выпустил здесь кроме „Апостола" и другие книги. Предположения эти основаны на упомянутом решении суда и грамоте епископа Гедеона Болобана о книгопечатне Федорова, в которой говорится: „которого устроенного письма друкарского благодатію Божею показалыся церквамъ Божіимъ на потребу и православнымъ

христіаномъ ко науцѣ книгъ не мало", а некоторые уверяют, что он повторил „Апостола" около 1576 года, который разнится от первого набором текста и гравюрой евангелиста Луки, а в конце имеется королевская привилегия за подписью кн. Василия Острожского и скрепою подскарбия Герасима Даниловича.

В 1580 году мы видим его уже на Волыни, в гор. Остроге, во главе большой типографии, устроенной там знаменитым князем Константином Острожским.

Здесь Федоров в том же 1580 году, в виде пробы, напечатал мелким шрифтом в одной книге „Псалтирь" и „Новый Завет" на 494 листах=988 страниц по 30 строк, с черными заставками разных рисунков, с киноварью в надстрочных надписях и некоторых заглавных буквах, с гербом князя Константина Острожского и знаком типографа со словами: „Іоаннъ Ѳеодоровичъ, печатник, з Москвы"; счет листов вверху справа. К этой красивой книге приложено предисловие, в котором, после вступления с цитатами из Евангелия от Матфея и Луки, первопечатник обращается к князю и просит его принять это „рукодѣліе, яко первый овощъ отъ дому печатнаго своего, Острожскаго". В некоторых экземплярах издания встречается в

Заглавный лист Библии 1580 года.

конце особый алфавитный указатель на 53 осьмушках, с гербом князя Острожского, под заглавием: „Собраніе вещей нужнѣйшихъ вкратцѣ, скораго ради обрѣтенія въ книзѣ сей Новаго Завѣта, по словесемъ азбуки, многогрѣшнымъ Тимоѳеемъ Михайловичемъ“.

Затем он приступил к печатанию своей знаменитой „Библии“, которую и окончил 12 июля 1580 года; она состояла из 628 листов = = 1256 страниц в 2 столбца по 50 строк.

Первые 8 полулистов без колонцифр заключают: а) заглавие книги, напечатанное киноварью и черным и помещенное в той самой рамке, которая окружает изображение евангелиста Луки в московском и львовском Апостолах, б) герб князя Острожского, окруженный стихами в шести куплетах, в) два предисловия с стихами в конце: первое на греческом и славянском языках от князя Острожского, второе на одном славянском от Герасима Даниловича и г) оглавление книг Ветхого и Нового Завета. На листах, помеченных 1—276, находятся исторические книги Ветхого Завета, на 1—180 второго счета книги пророческие и учительные от Псалтиря до Малахая, на 1—30 третьего счета Маккавейские книги, на 1—56 четвертого счета четыре Евангелия, на 1—78 остальные

новозаветные книги. Соборник или месяцеслов и показание зачал. На последнем 78 листе пятого счета напечатано послесловие Ивана Федоровича, знак типографа и выход на славянском и греческом языках. Текст украшен черными заставками, фигурными буквами и узелками в конце статей. Киноварь употреблена преимущественно в месяцеслове и показании зачал; в самой Библии ею напечатаны не только названия глав: Бытия, Псалтири, Евангелия от Матфея и Деяний, но и первые три строки и цветки на заглавном листе.

Эта книга, представляя собой совершенство в печатном деле того времени, включала в себе впервые полную Библию на славянском языке.

Следует заметить, что все шрифты, все заставки и типографские украшения в этой книге были изготовлены и отлиты самим Иваном Федоровым и что внешняя красота книги вполне соответствовала тщательности и внутренним достоинствам ее текста.

В Библии встречается уже шесть различных шрифтов: 1) мелкий славянский, которым напечатана вся книга, 2) такой же греческий, употребленный в первом предисловии, 3) славянский, почти вдвое более мелкий, 4) такой же греческий, 5) московский первопечатный на

заглавном листе и страничных оглавлениях и б) крупный уставный, заимствованный из виленской типографии Мамоничей, по красоте выполнения которых эта замечательная книга может быть смело сравниваема с лучшими изданиями европейских типографий того времени. Можно предположить, что Острожская Библия набиралась и печаталась около пяти лет (1575—1580).

Князь Острожский посвятил это издание Величеству Божию („Величеству неизреченна славы Твоея сіе дѣло предлагаю“) и спустя восемьдесят лет эта Библия послужила оригиналом и образцом в типографском отношении при печатании первой Библии в Москве в 1663 году.

Издание Острожской Библии было в свое время величайшим благодеянием для русской церкви не только западной, но и восточной, не имевших дотоле печатной славянской Библии, и поэтому оно остается до наших дней драгоценным памятником, так как было напечатано по списку, присланному из Москвы, и московским печатником, положившим начало книгопечатанию славянских книг для православной церкви не в одной московской, но и в западной Руси.

Герб города Львова и первопечатника Федорова.

В некоторых библиографических указателях упоминается еще 2-е издание этой Библии в 1581 году, в котором и буквы, и предисловие, и расположение текста оставлены совершенно без изменений и только выходной лист имеет пометку 1581 г. да в конце книги помещено маленькое послесловие. Но до сих пор остается все-таки нерешенным, было ли это действительно новое издание Библии, имеющей 1256 страниц, или же только некоторые изменения были внесены одновременно с перепечаткою выходного листа в одно и то же издание. Последнее предположение надо признать ближе к истине, так как слишком мало времени приходилось на вторичное печатание этого огромного издания.

Основание книгопечатания в Остроге послужило источником распространения его по различным местам юго-западной Руси; оно появилось в Стрятине, Дормани, Крилосе и, наконец, в Киеве и во всех этих типографиях печатали острожскими шрифтами, с которыми киевские церковные издания сохранили сходство до наших дней.

Третьим Острожским изданием, которое приписывается Ивану Федорову, была „Хронология“ в 1 лист = 2 страницы, одна против другой.

Закончив этот труд, первопечатник по причинам совершенно неизвестным снова перебрался во Львов, из которого ему уже не удалось выбраться до самой смерти.

Последние годы его жизни были рядом непрерывных лишений. Нравственные муки сменялись материальными неудачами, он не мог найти средств на выкуп своей типографии и все крепче затягивалась мертвая петля долговых обязательств, достигших с процентами уже суммы 1.500 злотых. Мучимый гонениями и лишениями, но до последней минуты не бросивший любимого искусства, Федоров, заброшенный и бедный, проживал в одном из предместий Львова, называемом Подзамче, где окончил свою многострадальную жизнь, скончавшись 5 декабря 1583 года, и был похоронен на кладбище Львовского Онуфриевского монастыря.

И жертва зависти, презельных озлоблений,
И слуг невежества, он кончил нищетой
Едва найдя могилу от гонений
В стране не нашей, но родной.
Изгнанник родины, нуждавшись даже в крове,
С сумой и посохом, усталый и в пыли,
Он все-ж почил в Славянском Львове
На лоне Галицкой земли.

В 1584 году все его типографское имущество присуждено в собственность Израиля Якубовича, которому оно было заложено; а затем из грамоты Гедеона Болобана видно, что после смерти первопечатника во Львове появлялись какие-то покупщики, которые хотели купить его книгопечатню, с тем, чтобы увезти в Москву, но, по убеждениям того же Болобана, львовские граждане сделали денежный сбор между собою и выкупили у Якубовича имущество за 1.400 злотых, положив этим основание знаменитой впоследствии Братской типографии.

Вот как кончил свою жизнь этот труженик, завещавший нам свое искусство, — труженик, редко вспоминаемый потомством за то самоотвержение, с которым он сумел провести свое дорогое печатное дело чрез все представлявшиеся ему в жизни препятствия и гонения.

Невзгоды, преследовавшие Ивана Федорова при жизни, не оставили его и после смерти: могила его не сохранилась, так как кладбище при церкви св. Онуфрия упразднено; по упразднении кладбища монастырь употребил надгробные камни на выстилку пола и на внутреннюю облицовку стен церкви. Среди камней, попавших на выстилку пола, был один длиною почти в сажень, продолговатый, четырехугольный,

с надписью по краям: „... друкарь москвитинь, которыі своимь тщаниемь друкованіе занедбалое обновиль, преставися в Львове року 1583 декабрь...". Посредине же: „...упокоенія воскресенія из мертвыхъ чаю. Друкарь книгъ пред тымь невиданыхъ...". Между полустертыми надписями оказался тот знак, который Иван Федоров ставил на своих львовских и острожских изданиях, — река в поле, по бокам которой начальные инициалы Федорова (I. Ѳ.); только вместо креста, увенчивающего верхнюю часть герба Федорова в первопечатных книгах, помещен знак, похожий на угольник. Этот угольник, составляющий и необходимое орудие для размера при изготовлении печатных букв, вероятно, служит здесь эмблемой типографского искусства. Камень этот находился в церкви еще в августе 1883 года, но не долежал до 300-летия смерти нашего первопечатника, и когда, в связи с юбилеем,

Надгробная плита Ивана Федорова.

вспомнили о нем на Руси, то оказалось, что осенью того же года при ремонте церкви и перестилке пола лом каменщика разбил в кусочки этот наглядный памятник о замечательном русском человеке и талантливом первопечатнике.

Так погиб, благодаря нашему равнодушию к родным великим людям, памятник об Иване Федорове.

Но разрушение надгробной доски не умалило заслуг первопечатника, — они живут, как продолжает жить и имя самого Ивана Федорова.

Пусть злая ненависть сломала
Плиту надгробную, лежавшую над ним,
И по распутьям гневно разметала
На радость пастырям чужим.
Печатный Двор в Москве с печатнею во Львове,
Где Федорова дух невидимо царит, —
Они стоят, они в своей основе
Прочнее всех могильных плит.

Таким образом, Иван Федоров не оставил после себя ничего кроме книг. Имя его только изредка встречается в летописях, холодно упоминающих, что когда-то, там-то страдал „мастер печатных дел“ Федоров. Но даже и в этих отрывочных, кратких, сухих документах,

как живой, встает перед нами чистый и светлый образ нашего печатника, образ, поражающий силой воли и ума; даже в этих отрывках мы видим, что всю жизнь, проникнутую сознанием выпавшего на его долю долга, он отдал новому и трудному искусству, встречая только неприязнь, явную вражду и недоверие; до последнего вздоха не пал духом, а бодро, с надеждой исполнял свое славное историческое назначение — и вот в этом его главная заслуга перед родиной и потомством.

Первопечатник принадлежал к категории тех скромных, молчаливых людей, которые, усвоив цель жизни, идут, не сворачивая, избранным путем к своей заветной цели. О них мало говорят, в суете житейской их почти не замечают, а если и заметят, то безжалостно гонят.

Но зато такие люди, свершив свой жизненный путь, оставляют неизгладимо светлый след. Воспоминания об их трудах счастливо минуют века, переходя из уст в уста, слагаются в легенды, и для дальних потомков доходит их образ, быть может, фотографически не точный, но все же правдивый и светлый.

Он не был только простым исполнителем официального почина, он не был просто обыкновенным хорошим работником, а представлял

собою вдохновенного, полного энергии и любви, мастера своего дела.

В его сознании печатное искусство было могучим орудием просвещения, поэтому он и отдал ему свою жизнь.

„Слово Божіе по всей вселенной разсѣевати, всѣмъ раздавати духовную пищу“—вот его идеал, к которому были направлены его желания, все его стремления и этому идеалу, несмотря на все невзгоды и превратности судьбы, он следовал неуклонно всю свою многострадальную жизнь.

Все труды его одухотворены одним заветным желанием: „да множае умножу слово Божіе и свидѣтельство Ісусъ Христово“. С его именем связана целая серия книгопечатен образовавшихся и в Московской, и в Белой Руси, и в Галиции, и на Волыни.

Светлый образ нашего многострадального первопечатника увековечен в стенах старой Москвы, той Москвы, в которой началась его деятельность, и „друкарь книгъ предтымъ невиданыхъ“, стоя на одной из ее площадей, таким же простым, каким рисуется в летописях, напоминает нам, как надо любить искусство, с каким мужеством надо переносить невзгоды, помня, что печатное слово — святыня, великое средство нашего просвещения и могучее орудие борьбы

с тьмой, — что с ним необходимо поступать благоговейно и употреблять его на благо людям, распространять с его помощью истинное знание, просвещение и правду, но не ложь, ненависть и клевету.

Да и, кроме этой бронзовой фигуры каждая печатная книжка, каждый лоскуток бумажки, на котором тиснута хоть одна буква, — все это представляет собою, несомненно, памятник нашему первопечатнику и пока будут встречаться клочки напечатанной бумаги, до тех пор будет жить имя Ивана Федорова.

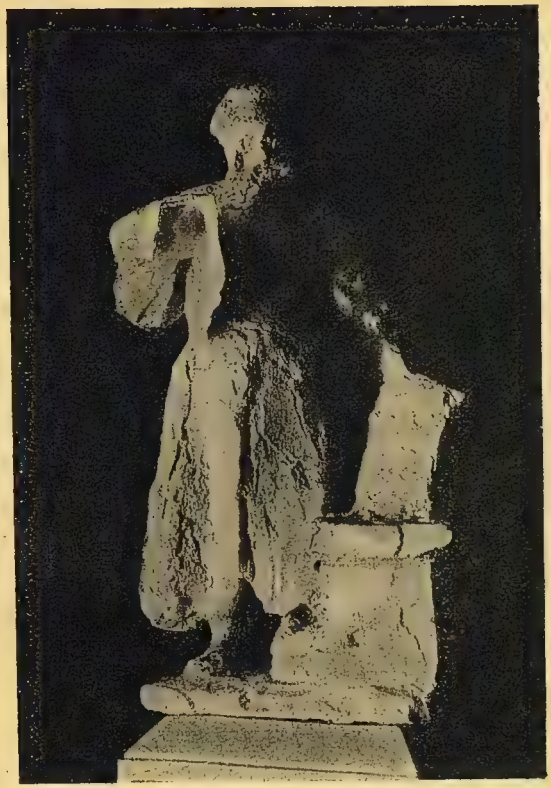
И в долготу веков на Руси необъятной,
Покуда будет жив один хоть славянин,
Покуда льется свет науки благодатной
И топит мрак невежд в пучине безвозвратной, —
Во-веки не умрет диакон Москвитин.

Мне вспоминается надпись на одном из венков, принесенных к подножию его статуи в день открытия памятника. На нем было всего четыре слова, но они как нельзя лучше охарактеризовали его жизнь.

„Первому мученику русской печати“ — вот эта надпись, и, познакомившись с жизнью первопечатника, каждый согласится, что, действительно, он был истинный мученик науки, мученик за русское печатное искусство.

Памятник Ивану Федорову открыт 27 сентября 1907 года и на истории его создания, как и на торжестве открытия, необходимо остановиться.

Подписка на сооружение памятника первопечатнику была открыта в 1870 году и инициатива этого начинания исходила от председателя Московского Археологического Общества, гр. А. С. Уварова, и через тринадцать лет, в 1883 г., графом предложено было знаменитому скульптору М. А. Антокольскому сделать модель будущего памятника, но Антокольский, очевидно, совершенно не знакомый с жизнью и деятельностью Ивана Федорова, не сумел олицетворить этого великого труженика, он изобразил первопечатника простым чернорабочим, стоящим у станка с засученными рукавами и в костюме, ничего общего не имеющем с саном дьякона. Проект был отвергнут, и дело затянулось до 1901 года, когда Археологическое Общество решило объявить конкурс и, чтобы избежать повторения ошибки, составило и выпустило брошюру, в которой выяснялись как внешность, так и духовный облик первопечатника. В объявленном конкурсе приняли участие не только русские, но и иностранные скульпторы, давшие 27 различных проектов,



Эскиз памятника И. Федорову, получивший первую премию.

из которых лучшим признан был проект С. М. Волнухина, которому и поручили сооружение памятника; строителем, приглашен инженер-архитектор И. П. Машков, принявший на себя безвозмездное наблюдение за постройкой памятника, а мраморные работы поручены В. И. Орлову.

Подписка на сооружение памятника в течение тридцати лет дала 29.038 руб., что нужно признать поразительно мало, так как армия последователей первопечатника достигала до девяноста тысяч человек, раскинутых в 1.000 печатных заведениях. Из этой суммы израсходовано: на конкурс—1.117 р., за исполнение проекта С. Волнухину—5.000 р., отливка статуи—8.200 р., выполнение пьедестала—6.530 р. и 2.031 руб. на разные расходы, таким образом сооружение памятника обошлось 24.978 р. (считая 1.000 р. Антокольскому за неудачный проект).

На памятнике первопечатник изображен стоя, во весь рост, с непокрытой головою, в одной руке он держит сделанный оттиск и любовно его рассматривает, а другой придерживает стоящую на скамье печатную форму, заключающую в себе развернутый лист „Апостола“, на одной половине которого изображение св. апо-

Памятник Ивану Федорову в Москве, открытый 27 сентября 1907 г.

стола Матфея, а на другой помещается текст. Фигура, отлитая из темной бронзы весом в 130 пудов, поставлена на высоком гранитном пьедестале, на лицевой стороне которого надпись: „Николы Чудотворца Гостунскаго діаконъ Иванъ Ѳедоровъ“, а немного ниже помѣщен отлитый из бронзы герб первопечатника; по сторонам герба дата: „1563—19 апр.“, обозначающая время, когда он приступил к печатанию. На противоположной (задней) стороне две надписи: „первые нача печатать книги въ Москвѣ“ и „Ради братій моихъ и ближнихъ моихъ“,—надписи сделаны шрифтом первопечатного „Апостола“.

Торжества по случаю открытия памятника начались 26-го сентября открытием выставки старопечатных книг, устроенной Синодальной типографией. Выставка помещалась в двух палатах старого Печатного Двора, существующего со времени Иоанна Грозного, и давала наглядное представление о развитии печати. На выставке были представлены образцы выдающихся работ славянских и русских типографий, подобранных с целью показать в историческом развитии все разнообразие печатной техники старого времени, причем конечным моментом развития старого печатного искусства устроителями принято появление гражданского шрифта.

Чтобы дать более яркую картину печатного дела на Руси и в славянских землях, выставка не ограничивалась собранием книг Синодальной типографии, но, благодаря содействию Братства Петра митрополита, библиотеки Никольского единоверческого монастыря, О-ва. Древностей российских и Московской Патриаршей библиотеки, имела целый ряд интересных старых книг, хранящихся в этих учреждениях; на-ряду со старыми книгами помещены снимки с тех из них, которые не могли быть получены для выставки. Здесь же были выставлены рукописные оригиналы и корректурные экземпляры книг, вышедших из московской типографии и сохранившихся в библиотеке Синодальной типографии. Всего выставка представила образцы работ более сорока славянских типографий, обнимающих собою двести с лишком лет славяно-русского печатного дела (1491 — 1708 гг.).

На выставке в двух витринах помещались издания древнейшей славянской типографии в Кракове, напечатанные Швайпольтом Феолем в 1491 году („Осмогласник“, „Часословец“, „Триодь постная“, „Триодь цветная“), издания пражской и виленской типографий Франциска Скорины 1517 — 1525 гг. („Псалтирь“, „Библия“ и „Апостол“), венецианской типографии Божи-

дара Вуковича 1519 — 1548 гг. („Служебник", „Псалтирь с Часословцем", „Молитвослов"), и типографий Сербии, Черногории и Румынии. Все эти издания предшествовали появлению книги, напечатанной в Москве Иваном Федоровым и Петром Тимофеевым Мстиславцем — „Апостолу", помещенному в третьей витрине вместе с другими книгами, напечатанными позднее в том же XVI веке; здесь же находится „Евангелие учительное", напечатанное Ив. Федоровым в Заблудовье в 1569 году, „Апостол", напечатанный Ив. Федоровым во Львове в 1574 г., „Четвероевангелие" 1574 г. и „Псалтирь" 1576 г., напечатанные в Вильне Петром Мстиславцем, „Псалтирь", „Новый Завет" и „Библия", напечатанные Ив. Федоровым в 1580 году в Остроге; затем ряд книг, напечатанных Невежами с 1568 по 1606 г. (носившие фамилию „Невежи" были ближайшими преемниками Ивана Федорова в Москве и работали в печатном деле около 50 лет). В следующих витринах — ряд красиво изданных книг при Борисе Годунове и модель печатного станка XVII века.

Во второй палате помещен слепок с плиты над могилой первопечатника во Львове, посредине которой находится его герб с изображением инициалов „I. Θ.", над гербом над-

писано: „Упокоенія и воскресенія из мертвыхъ чаю“, а под гербом: „Друкарь книгъ предтым невиданыхъ“, вокруг герба „Іаннъ Ѳедоровъ друкарь москвитинъ, которыі своимь тщаніемь друкованіе занедбалое обновиль. Преставися в Львовѣ року 1583 года Декембрія 5-го“. В этой палате помещены более поздние издания типографий: московских, киевских, черниговских, могилевских и вообще юго-западных типографий; между прочим, здесь находятся: „Первый экземпляръ „Уложенія царя Алексея Михайловича 1649 г.“, „Поученіе патріарха Никона о моровой язвѣ“, „Чинъ пещного дѣйства“ 1655 г., первая учебная книга „Азбука“, напечатанная В. Бурцевым в Москве в 1637 году, „Вѣдомости“ (Москва, 1703 г.) и первая гражданская азбука 1708 года.

Для сохранения памяти о выставке и облегчения ее обозрения выпущен каталог, быстро изчезнувший из продажи.

В это же время в Сергиевском Народном доме состоялось собрание профессионального Общества печатников, на котором присутствовало до 1.000 человек. Г. Гинцбург прочитал лекцию, посвященную первопечатнику, объяснил происхождение в русском алфавите названий букв и дал картину развития письменности у арабов

и финикийцев, иллюстрируя свои слова многочисленными световыми картинами; в заключение, остановившись на личности самого первопечатника и тех гонениях, которые ему пришлось вынести, очертил причины зависти бояр и злобу оставшихся без работы переписчиков.

27 сентября, в десятом часу утра, в церкви св. Троицы состоялась заупокойная литургия, после которой отслужена панихида по первопечатнике Иване Федорове, и под звон колоколов тронулся крестный ход к памятнику. Все улицы, прилегающие к месту торжества, несмотря на мелкий, чисто осенний, дождь, были заняты толпами народа, который поместился повсюду, откуда получше было видеть,— и на крышах близ стоящих домов, и на зубцах Кремлевской стены.

После того, как совершено было молебствие, преосв. Анастасий сказал: „Через несколько минут спадет завеса и перед нами предстанет в художественном изваянии духовный облик того, кто не мог ожидать, что настанет время, когда вся Москва, изгнавшая его некогда из своих пределов, помянет с благодарностью его имя, воздвигнет ему монумент близ места его плодотворной работы и придет поклониться его изображению. Разве

он стремился к славе, разве он мечтал о ней? Он скромно работал за своим типографским станком ради братий своих и ближних, стараясь лишь создать для них лучший способ для распространения просвещения. Но ожесточенные невежды хотели разрушить то дело, которое он создавал с таким усердием. Они обратили творца этого великого дела в изгнанника и мученика, но не могли погасить того света, который зажег он своим трудом. Этот свет продолжает светить и поныне, и тьма не объяла его. Как от семени рождается ряд других семян, так и за его первыми книгами следовал ряд новых многочисленных изданий, распространившихся по всему лицу земли Русской. Этот духовный капитал русского народа быстро разростался и если мы видим здесь представителей ученого сословия, молодежь, стремящуюся к образованию, то все это нужно признать духовным наследием Ивана Федорова".

Сдернуто полотно, закрывавшее статую, и взорам тех, кто заполнил окружающую площадь, предстала бронзовая фигура первопечатника, раздался единодушный крик „ура", слившийся с звуками гимна, и памятник первопечатнику открыт. Председательница Археологического Общества, гр. П. С. Уварова, вручила городскому

голове Н. Гучкову свиток акта передачи памятника городу, отпечатанного на пергаменте в виде древней грамоты, славянским шрифтом, и прочла его:

„Императорское Московское Археологическое Общество — Московской городской думе.

„4 января 1870 года, по почину основателя и пожизненного председателя Императорского Археологического Общества графа, А. С. Уварова, и при ближайшем деятельном участии также покойных инспектора московской Синодальной типографии В. Е. Румянцева и профессора-академика М. П. Погодина состоялось в московской городской думе торжественное собрание по случаю совершившегося 300-летия со времени напечатания в первый раз в 1569 г. в Заблудовье московскими типографами Иваном Федоровичем Москвитиным и Петром Тимофеевым Мстиславцевым учительного Евангелия. В этом собрании графом было сообщено, что обществу с Высочайшего соизволения разрешено открыть подписку для сбора пожертвований по сооружению памятника первопечатнику Ивану Федорову. Подписка эта дала Императорскому Археологическому Обществу возможность воздвигнуть по проекту художника С. М. Волнухина и при помощи литей-

щиков А. и Э. Ребекки и строителя-архитектора И. П. Машкова ныне открываемый памятник, который, как председатель Общества, имею честь сим передать в лице Вашем, как городского головы, нашей первопрестольной Москве".

Приняв акт, Н. Гучков ответил: „Московское городское общественное управление, призванное по закону и по воле Монаршей хранить древние памятники, с истинной благодарностью приемлет этот новый памятник и низко кланяется Археологическому Обществу за его ценный дар первопрестольной столице и русскому народу".

После этого началось возложение венков прибывшими депутациями. Первыми возложили венки Археологическое Общество и городское общественное управление, затем прошли следующие депутации:

1) Общество истории и древностей Российских. 2) Академия Наук. 3) Московская Синодальная типография. 4) Моск. Синодальная контора. 5) Моск. Университет. 6) Киевский Университет св. Владимира. 7) Общество Нестора летописца. 8) Московская духовная Академия. 9) Исторический Музей. 10) Моск. Публичный Румянцевский Музей. 11) Оружейная Палата. 12) Моск. отделение архива м-ва Двора. 13) Моск. архив м-ва Иностранных Дел. 14) Архив м-ва Юстиции. 15) Общество любителей рос-

сийской словесности. 16) Общество любителей духовного просвещения. 17) Русское Библиографическое Общество. 18) Моск. Общество грамотности. 19) Моск. Общество народных университетов. 20) Воронежская ученая архивная комиссия. 21) Историко-родословное общество. 22) Общество любителей художеств. 23) Моск. Архитектурное Общество. 24) Общество любителей графических искусств. 25) Общество деятелей периодической печати. 26) Комиссия по осмотру и изучению памятников Москвы. 27) Тверская ученая комиссия. 28) Смоленская архивная комиссия. 29) Лазаревский Институт. 30) Училище живописи, ваяния и зодчества. 31) Моск. Археологический Институт. 32) Коммерческое Училище. 33) Студенческий кружок истории и литературы. 34) Общество содействия внешкольному образованию. 35) Московск. губернская земская управа. 36) Моск. ремесленная управа. 37) Моск. комитет по делам печати. 38) Моск. Общество типолитографов. 39) Вспомогательная касса типографов в Москве. 40) Государственная типография. 41) Типография Моск. Университета. 42) Вспомогательная касса наборщиков в Спб. 43) Московская губернская типография. 44) Московская городская типография. 45) Единоверческая типография. 46) Типография Общества распространения полезных книг. 47) „Русские Ведомости". 48) „Русск. Слово". 49) „Раннее Утро". 50) „Вестн. Воспитания". 51) „Южная Россия". 52) „Педагогический Листок". 53) Профессиональное общество рабочих печ. дела имени Ивана Федорова. 54) Общество книгопродавцев. 55) Общество борьбы с детской смертностью. 56) Книгоиздательство „Польза". 57) Книгоиздательство „Студенческий Календарь". 58) Комиссия по приобретению средств для инвалидного дома типографов. 59) Общество имени Данте-

Алигиери. 60) Мужские городские начальные училища. 61) Женские городские начальные училища. 62) Моск. отд. Русского Общества деятелей печатного дела. 63) СПБ. Синодальная типография. 64) Об-во любителей естествознания. 65) Литературно-художественный кружок и до 30 венков от различных типографий. Из этих депутаций 13 принадлежало типографщикам.

Скоро постамент памятника был окружен венками. Тут были и лавры, и живые цветы, и серебряные венки, выделявшиеся своей белизной на темном фоне гранита и зелени лавров. За депутациями прошли ученицы и ученики учебных заведений и этим торжество на площади закончилось.

В этот же день, утром, в помещении 1-го Общества торговых служащих состоялось торжественное заседание профессионального Общества рабочих печатного дела имени Ивана Федорова; число присутствовавших достигало до 600 человек. По предложению председателя память первопечатника почтена вставанием, и секретарь Общества, С. Любимов, сделал краткий очерк развития печатного дела в России, продолжавшийся около часа, в котором очертил историю развития книгопечатания в России с XVI столетия и указал на ту роль, какую играло открытие книгопечатания на Западе, пе-

решедшего вскоре на Русь и в лице Ивана Федорова нашедшего благородного, стойкого и преданного представителя, а затем обрисовал положение первопечатника и его жизнь, полную страданий и гонений, заставивших его скитаться и умереть на чужбине. После закрытия заседания присутствовавшие отправились в полном составе на открытие памятника.

В 1 час дня в старой зале Политехнического Института доктор истории, К. А. Кизеветтер, по приглашению Вспомогательной Кассы типографов прочел лекцию об Иване Федорове при переполненной учащимися и рабочими аудитории. В яркой, образной лекции он познакомил присутствовавших с историей книгопечатания, биографией Иоганна Гутенберга и подробно обрисовал, как печатный станок добрался, наконец, до Москвы. Изобразив полную лишений жизнь Ивана Федорова, лектор подчеркнул, что наш первопечатник, несмотря на страшную нужду, отказался от подаренного Ходкевичем хутора и предпочел спокойной жизни возможность сеять иные семена... Вспомогательная Касса отметила открытие памятника устройством инвалидного дома имени первопечатника.

Бюст Ивана Федорова
(собств. В. Демакова).

В 3 часа дня в „Русской Палате“ Славянского Базара состоялось торжественное заседание, созванное Обществом типо-литографов. Впереди за председательским столом в зале из-за зелени красовалось изображение Ивана Федорова. А. А. Левенсон, кратко отметив важное значение трудов первопечатника для современных деятелей печати, сообщил, что для увековечения памяти первопечатника обществом типо-литографов учреждены 4 стипендии для бедных и больных рабочих, потерявших способность к труду, и первыми стипендиатами зачислены: наборщик В. Г. Тропыгин (тип. А. Поплавского), машинист С. Юдин (тип. И. Смирнова), рабочий Ф. Борисов (типо-лит. И. Любимова) и наборщик Д. Мусинев (тип. моск. унив.). Затем слово предоставлено А. Кизеветтеру, который, мрачными красками нарисовав состояние просвещения на Руси в XVI веке и постепенно назревавшую необходимость книг и книгопечатания, закончил характеристикой самого первопечатника. Вечером в аудитории Исторического музея, переполненной народом, состоялось торжественное собрание Археологического Общества, на котором были прочитаны приветствия, и ряд ораторов очертил деятельность и жизнь нашего первопечатника.

Член Общества и знаток русской старины, Е. В. Барсов, произнес красивую речь: „Творцы книгопечатного дела в Москве“, в которой меткими чертами охарактеризовал первого русского печатника, присоединив неразрывно связанные с именем Ивана Федорова имена двух официальных представителей Руси — царя Ивана Грозного и митрополита Макария, и закончил следующими словами: „Каждый из служащих печатному делу, идя мимо бронзового облика Ивана Федорова, да вспомнит его нравственный облик и вдохновится силой и энергией его великого духа, непобежденного никакими превратностями в жизни“. А. Н. Соловьев (помощник управляющего Синодальной типографии) сделал сообщение о зарождении и развитии книгопечатания до осуществления этой идеи Иваном Федоровым и дальнейшем постепенном развитии книгопечатания в России до царствования Михаила Федоровича. Сообщение это изобиловало интересными историческими данными об изъятии некоторых страниц печатных книг, другими словами — введением цензуры.

Остальная часть заседания была посвящена чтению адресов и приветствий следующих учреждений и обществ:

Министерство Народного Просвещения, Московская контора Святейшего Синода, Московский Университет, Университет св. Владимира, Историческое Об-во Нестора летописца, Российский Исторический Музей Александра III, Румянцевский Публичный Музей, Об-во Любителей этнографии, Об-во любителей духовного просвещения, Об-во Ревнителей Российской словесности, Студенческий кружок литературы, Российское Библиографическое Об-во, Комиссия сохранения памятников старины, Московское Об-во народных университетов, Московская Губернская Земская Управа, Об-во преподавателей графических искусств, Московское Коммерческое Училище, Тверская Ученая архивная комиссия, Об-во борьбы с детской смертностью, Государственная типография, Московское Об-во типо-литографов, Вспомогательная касса типографов, Московское отделение Русского Об-ва деятелей печатного дела, Единоверческая типография, Типография Об-ва распространения полезных книг, Училище для глухонемых, Рабочие газеты „Русское Слово", Профессиональное Об-во рабочих печатного производства имени первопечатника Ивана Федорова в Москве — всего 29, типографских — 8.

За этими приветствиями прочитаны полученные телеграммы:

Публичной Библиотеки, СПБ. Университета, Харьковского Университета и типографии, Юрьевского Университета, Варшавского Университета, Нежинского Исторического Института, Харьковского Археологического об-ва, Виленской Публичной библиотеки, Московской Духовной Академии, Киевской Духовной Академии, Казанской Духовной Академии, Об-ва исторических древностей в Одессе,

Братства князей Острожских, Группы тружеников печатного дела в Томске, Об-ва служащих в печатных заведениях Петербурга, Об-ва владельцев печатных заведений в Спб., Об-ва бакинских печатников, типографии Кушнерева, О-ва Археологии при Казанском Университете, Подольского историческо-архивного Об-ва, Полтавского церковно-археологического комитета, Смоленского Исторического Городского Музея, Ростовского Музея древностей, Донского Музея, Курского губернского статистического комитета, Таврической архивной комиссии, Курской архивной комиссии, Воронежской ученой архивной комиссии, Совета Киевской печатной школы, Спб. Об-ва грамотности, Златоустовского религиозного кружка, Об-ва архитекторов, Кружка любителей изящных изданий, Итальянского Общества имени „Данте-Алигиери", всего 34, типографщиков — 7.

Графиня П. С. Уварова, объявляя заседание закрытым и выражая благодарность всем учреждениям и лицам, приславшим Обществу свои приветствия, закончила, что „эти приветствия в сущности представляют собой чествование памяти нашего первопечатника и потому прошу позволения провозгласить виновнику торжества, Ивану Федорову, „вечную память" и предлагаю почтить его память вставанием".

29-го сентября состоялось общее собрание Московского Археологического Общества, посвященное памяти первопечатника Ивана Федорова, на котором были прочитаны доклады: М. Н. Сперанским — „Ив. Федоров и его по-

томство" и А. А. Покровским — „Печатный Двор в первой половине XVII века". Доклады с интересом прослушаны собравшимися, получившими множество исторических указаний.

Этим закончилось торжество, оставив после себя отлитую из бронзы фигуру нашего первопечатника на одной из площадей Москвы.

Прошли торжественные дни, разъехались депутации, завяли венки, снова И. Федоров погрузился в прошлое и исчез из памяти людей, работающих над продолжением и расширением начатого им дела. Снова забыли человека, о котором поэт сказал:

И в долготу веков на Руси необъятной,
Покуда будет жив один хоть славянин,
Покуда льется свет науки благодатной
И топит мрак невежд в пучине безвозвратной, —
Во-веки не умрет диакон Москвитин.

Большинство совершенно не знакомо с первопечатником, — в стенах печатных заведений, обществ, связанных с печатью, редакциях, словом, нигде не найдете чего-нибудь, что бы напоминало о нем; нет изображений портретов, отсутствуют снимки с памятника, даже бюст, помещенный на 65 стр., разбит, и только у нескольких человек, которых можно сосчитать по пальцам, сиротливо стоит небольшая модель

его памятника, выпущенная в свое время в Москве и не получившая распространения, хотя имела на это полное право. Так продолжалось до последней войны, когда в 1915 году наши войска заняли Львов, вспыхнул огонек интереса и попавшие в этот город заинтересовались, не осталось ли каких-нибудь следов о пребывании там первопечатника. Результатом такой любознательности в Московском Археологическом Обществе А. Холодковским читается доклад, рисующий интересную картину:

„Но вот я в Львове, среди группы оставшихся в живых видных галицийских деятелей. Меня, как журналиста и археолога, знакомят прежде всего с самым дорогим для нас памятником во Львове — могилой первопечатника Ивана Федорова.

„Когда Федоров в 1565 году напечатал в Москве свой „Часовник“ и „Апостол“, участь его была решена: конкуренты-переписчики окончательно убедили московскую чернь, что Федоров разводит ересь, „шепчется“ с нечистым на Печатном Дворе и оскверняет религиозное чувство москвичей. Чернь разгромила Печатный Двор и заставила Федорова бежать сначала в Литву, а затем в Галицию. В Галиции Федоров попал во Львов, где устроился среди братчиков-

монахов, близких по духу и вере первому печатнику Руси. Федорова спасли от гнева российской черни, но не могли ему, однако, помочь в его страстном желании продолжать начатое дело — печатание книг. Долго Федоров искал людей, которые могли бы оказать ему содействие в открытии собственной типографии. Обращался он к зажиточным людям, унижался перед ними, умолял священников производить сборы среди прихожан в церквах. Наконец, в 1573 году Федорову удалось устроить во Львове свою „друкарню", из которой вскоре выпущен был печатный „Апостол".

„Устроил свою „друкарню" Федоров у друзей-монахов, в Василианском (св. Онуфрия) монастыре, который стоял в предместье Львова — Подзамчеве. Почти в том виде, в каком был Василианский монастырь в XVI веке, застал я его в Львове и сейчас.

„Бурые от старости стены монастыря высоко вздымаются на насыпи над остальной частью предместья. Вход старинный, сводчатый, наподобие некоторых наших московских кремлевских. Подыматься нужно по стоптанным каменным ступеням, на которых веками цветет темно-зеленая галицийская травка. Русские галичане мало интересовались в мирное время могилой

Федорова и его друкарней. И вот почему от них ничего не узнаешь про нашего первопечатника. Приходится обращаться к игумену монастыря, который меня принимает в монастырской „гостиной“ того самого флигеля, в котором помещалась друкарня Федорова.

„Низкие сводчатые потолки, массивные, почти мраморной прочности, стены, на которых развешаны портреты бывших настоятелей знаменитого Василианского монастыря. Два-три кресла вокруг комнаты — вот вид монастырской гостиной.

„Игумен, не очень старый иеромонах в типичном для василианцев подряснике („сукне“) и маленькой скуфейке, мило улыбаясь, приветствует меня на польском языке. Я языка не знаю и потому принимаю предложение игумена говорить на украинском языке, который игумен знает хорошо.

„Интересует меня прежде всего, конечно, вопрос о местоположении могилы первопечатника Федорова, которую все биографы Федорова, в том числе Погодин, Волков и Жевре, считают „затерявшейся“. По сведениям последних биографов, Федоров был похоронен на кладбище львовского храма св. Онуфрия. На могиле положили плиту с надписями наверху:

„Упокоенія и воскресенія из мертвыхъ чаю“ и внизу—„Друкарь книгъ, предъ тѣмъ невиданныхъ“. „Надгробная плита над могилой Федорова найдена на внутренней облицовке стены одной из церквей г. Львова,—писал, например, Жевре.—Ее взяли для ремонта стены с могилы Федорова. Но и этой плиты уже не существует более. В 1883 году церковь ремонтировали и никто не позаботился во́-время охранить плиту с исторической надписью. Лишь только рабочий тронул ломом камень—он рассыпался в кусочки“.

„На вопрос, заданный игумену, тот отвечает категорически:

„— Сведения ваших биографов неверны. Федоров был похоронен у нас, надгробная плита его существует и поныне. Не угодно ли вам выйти во двор и проверить?

„Мы выходим во двор. С левой стороны у старинной тяжелой железной двери монастырской часовни я действительно замечаю грязную, порядочно стертую, плиту. Она вделана в стену. Вделана примитивно, без защиты или прикрытия. От этого плита все время подвергается действию влаги, размывающей вырубленную надпись. Прочесть надпись на плите сейчас уже невозможно. Если встать подальше, можно еще разобрать

два-три слова. Игумен читает мне пресловутую надпись на плите наизусть. При этом рассказывает: „Когда во Львове показались русские войска, чуть ли не через два часа в ворота Василианского монастыря постучал один русский офицер.—„Что вам угодно?"—спросили офицера.—„Я—любитель-археолог. Покажите мне могилу первопечатника Федорова. Она, говорят, у вас". Напуганные монахи пустили офицера. Он произвел два-три снимка. Сфотографировал плиту и друкарню. Кстати, пойдемте в друкарню. Ведь ее вам нужно показать прежде всего!"—заключил свой рассказ игумен.

„Мы идем. Входим снова в тот флигелек, в котором мы были раньше. Направляемся по холодному узенькому коридору с сводчатыми потолками. Типичный монастырский коридор—серый и жуткий.

„По бокам замечаю целый ряд дверей. Это, как мне объясняют, кельи монахов-василианцев. Когда мы доходим до середины коридора, игумен останавливается, берется за ручку одной из дверей и приглашает меня:

„— Пожалуйста, мы у друкарни.

„Когда дверь распахивается, возглас восхищения вырывается у меня и у моего попутчика.

„Мы в просторной комнате-келье, сплошь увешанной редкими образами и картинами божественного содержания византийского письма.

„Справа у стены из старого темного дуба устроен киот с дубовой подставкой и решетками. На каменном полу кельи распростерт старинный художественный ковер.

„Всюду горят свечи и лампады. Почти не замечаешь тусклых отблесков света из двух узеньких окон, глядящих с улицы.

„— Как видите, здесь сейчас часовня,— объясняет мне игумен.— Этим мы увековечили помещение, где Федоров работал над своим львовским „Апостолом". Вот здесь,— показывает игумен на угол,— стоял типографский станок Федорова, несколько правее — переплетный пресс его сына Ивана, помогавшего отцу в работе. Здесь же Федоров продолжал жить, когда дела его ухудшились настолько, что пришлось закладывать ростовщику печатный станок и все изготовленные им книги. Россия так холодно отнеслась к своему первопечатнику, что даже не заинтересовалась его могилой. Нужно было пройти почти четырем векам, чтобы мы вспомнили о Галиции и о могиле Федорова.

„Теперь, когда Галиция в наших руках, вполне своевременно поднять вопрос о переносе камен-

ной надгробной плиты Федорова в Москву, где начинал свою работу русский первопечатник. Во Львове этому редкому памятнику нашей истории много раз угрожала опасность. Чуть ли не накануне занятия нами Львова австрийцы собирались совершенно снести Василианский монастырь, мотивируя свое решение тем, что „необходимо уширить прилегающую улицу". Своим пришествием во Львов мы спасли и могилу Федорова, и монастырь от поругания. Отдадим же дань памяти Федорова сейчас. Было бы очень желательно, чтобы петроградское или московское археологические общества взяли на себя почин возбуждения вопроса о переносе могилы Федорова и надгробной плиты на ней в Москву".

Сколько хороших чувств вызвало такое сообщение у всех, кто считал погибшим все, что оставалось там от Федорова, и теперь так радостно билось сердце, узнав, что все это было недоразумение. Начала усиленно работать мысль о необходимости перевоза не только этих реликвий, но и праха, если удастся найти место его погребения. Хотелось видеть не только бронзовую статую, но иметь возможность посетить его могилу. Думалось, что этим актом, возвращенный домой, он получит

как бы вознаграждение за свои страдания, хотя бы тем, что через триста с лишком лет вернулся в ту Москву, где начал славную деятельность.

Радостное настроение разбивает статья В. А. Верещагина „Старый Львов", помещенная в № 5 „Старые Годы" за 1915 г., где этот любитель книги пишет: „Время этой плиты (Федорова) не пощадило: от нее остался лишь слепок, ныне находящийся в Румянцевском музее. Точно неизвестно и место, где лежит его прах..." Затем письмом в редакцию журнала „Наборщик" он разъясняет еще подробнее: „Пробыв около месяца во Львове, я положительно удостоверяю, что не только не существует этой плиты, но совершенно никому не известно ни место, где лежит прах Федорова, ни место его прежнего жительства. Существует лишь предположение, что он похоронен под одним из церковных приделов".

Таким образом, мечты рассеялись, а между тем в промежуток между этими известиями уже организовалась перевозка праха, на что собирались средства Обществом под председательством М. Караулова.

Значит, мы опять стоим перед тем же, перед чем были до войны, — от Федорова ничего

кроме перечисленных выше книг и московского памятника не имеется *).

Может быть, наконец, проснется чувство уважения к страданиям первопечатника и любовь к нему за то великое дело, которое сделано им для культуры, и наши типографии украсятся снимками, если не копиями, памятника, как свидетельством, что он не совсем исчез из памяти потомства.

Своим делом, жизнью и страданиями первопечатник, несомненно, заслужил любовь и уважение, в особенности же первое, и типографщики должны доказать перед другими, что они помнят и чтут своего родоначальника на Руси.

*) Существуют еще две статуи Федорова — гипсовая и бронзовая — в одном из музеев Лейпцига, оставшиеся там с Международной выставки 1914 г. Не настало ли время возвратиться и им назад?

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Жизнь без труда — воровство.
Жизнь без искусства — варварство.
Рёскин.

Книга — это резервуар, куда целые тысячелетия стекались человеческие познания. Она является собирателем, одинаково хранящим на своих страницах как высоко божественные мысли великих мудрецов, так и открытия ученых; в ней находят место заветные думы писателей, прекрасные песни поэтов, изумительные подвиги техники и советы практиков жизни.

Все запросы человека, в чем бы они ни выражались, найдут в ней ответы. Захочется узнать далекое прошлое человечества или своей родины; выяснить, отчего утром солнце восходит, а вечером заходит; научиться лучше работать; понять великие истины различных учений — загляните в страницы книги и она разрешит ваши недоумения и научит вас всему, к чему тянется ваша душа.

Полюбите книгу, читайте ее и она сторицею возместит вам затрачиваемое на нее время. Любовь к книге — не новость, она не является чем-то новым и неизвестным. Люди давно, с момента появления ее в первобытные времена в виде каменных скрижалей еврейского народа, уже полюбили ее и признали чем-то священным и с тех пор это отношение к ней почти не менялось, хотя сама книга и потерпела различные изменения, до неузнаваемости меняя свой наружный вид, но сохраняя внутри себя все те же удивительные достоинства. От камня она переходила к глине, свинцу, кости, дереву, папирусу, пергаменту и, наконец, к бумаге; от царапанья на камне переходит к письму тростником и пером, а от последнего — к печатанию.

Казалось бы, когда медленное создание единичных рукописных экземпляров сменилось быстрым механическим способом, когда появилось книгопечатание, или, другими словами, вы, типографщики, — то любовь к ней и былое уважение могли бы исчезнуть, но этого не случилось да и не могло случиться потому, что ценность ее духовная осталась та же и только изменилось производство.

Что это так, а не иначе, — говорят факты истории. Когда она была большого размера,—а

в первое время она была по чисто техническим соображениям таковой,—ее укладывали на особые столы-аналои и прикрепляли цепями, чтобы кто-нибудь не похитил эту драгоценность или она нечаянно не свалилась на пол; а когда она уменьшилась в объеме и весе, то придумали особые переплеты-кошели, вроде конвертов, и, завертывая ее в них, носили с собой, куда бы ни приходилось итти. Между прочим, русский народ считал грехом уронить на пол даже один листок священной книги, — а такая только и была у него, — разве это не говорит о ее священности?

О значении книги, о любви к ней существуют тысячи прекрасных изречений и мыслей, разбросанных по сочинениям мудрецов и писателей, их невозможно вспомнить и передать здесь да это и излишне; я напомню два-три из них, имеющих историческое значение.

И. Гутенберг, которого до сих пор считают изобретателем книгопечатания, в послесловии к своей книге говорил, что немецкий народ „Милостью Божьею предпочтен передъ всеми и поэтому ему выпало счастье создать книгу тиснениемъ".

Людовик XII, входя в мастерскую типографии, снимая шляпу и обнажая свою голову,

как перед святынею, говорил, „что книгопечатание скорѣе божественное, чем человеческое изобрѣтеніе“.

Митрополит Макарий, благословляя Грозного на устройство печатни, произнес: „Такая мысль внушена тебе Богом — это даръ свыше отъ Бога сходящій“.

Видите, как относились люди к книгопечатанию; правда, были и другие мнения, я не скрываю их и приведу некоторые, но они еще больше подтверждают великое значение этого искусства.

В то время, как Людовик снимал свою шляпу, один из губернаторов Америки говорил: „Слава Богу, у насъ здесь нетъ ни типографій, ни вольныхъ школъ. Да избавитъ насъ Господь отъ того и другого“, а архиепископ в Англии одновременно с Макарием высказал, что „мы должны уничтожить книгопечатаніе, иначе оно уничтожитъ насъ“. Даже Лев Толстой на склоне своих лет написал, что „книгопечатаніе — самый вѣрный слуга невѣжества“.

Повторяю, что все такие мысли еще более увеличивают значение нашего искусства.

Любовь к книге, проявляемая уже не мыслителями, а создателями ее, печатниками, красной нитью проходит через всю историю книго-

печатания; только именно благодаря этой любви и можно было создавать издания, вызывавшие удивление и преклонение целого ряда поколений.

Таких людей было не малое количество и перечесть их не менее трудно, как и высказавших только мысли.

Мануций Альд, создавший множество великолепных изданий, приобревших историческое прозвище „альдины".

Фамилия Этьен, давшая то же самое и применившая шрифт, до сих пор употребляющийся в типографиях под названіем „Этьена".

Братья Эльзевир, с своими удивительными книгами и шрифтом, находящим и сейчас широкое применение под названием „Эльзевира".

Наш первопечатник Федоров, выпустивший первую книгу „Апостол" в таком виде, который спокойно выдерживал сравнения с заграничными современными ему книгами.

Наконец, современные нам т-во „Р. Голике и А. Вильборг" и „Сириус", красотой выпускаемых изданий завоевавшие всеобщее признание лучших предприятий в Россіи, имя которых занесено на страницы истории, и они тоже не могут исчезнуть со страниц ее никогда, хотя второе предприятие исчезло, так как оборудование его развезено по разным местам.

Не думайте, что для создания красивой книги нужны обязательно какие-нибудь особые усовершенствования, — нет, это заблуждение, и с самыми ничтожными средствами, при наличности любви к книге, можно достигнуть великолепных результатов, и, как пример, я укажу на маленького типографа — чудака Струйского, жившего при Екатерине II: он у себя в пензенской деревне с крепостными крестьянами умел выпускать листовки, повторить которые и теперь представит огромный труд, несмотря на страшное движение техники вперед, — все от любви! Или работы „Сириуса", выполненные старыми, заброшенными шрифтами, но созданные любовно, разве не производят чарующего впечатления!

Даже теперь, сегодня, во время тяжелой и страшной разрухи и недостатков самых необходимых материалов и изношенности механизмов, наблюдается то же самое. Сравните книги различных городов или типографий — и вы согласитесь с этим. Там, где во главе дела стоят люди, относящиеся к книге небезразлично, где таковые могли увлечь за собой других, где проявляется любовь, — там книга лучше, чище, опрятнее, ее можно прочесть; там, где этого нет, — наоборот. Разве это не говорит вам того же самого?

Все от любви. В одних любовь засела давно, в других она прививается под влиянием, может быть, и немногих, но преданных—и дело пошло к лучшему. Если бы удалось достигнуть, чтобы каждый типографский рабочий понял истинное и вместе великое назначение производимого продукта — книги и полюбил книгу, а с нею, конечно, и свое дело, то мы сами быстро были бы поражены результатами — работа стала бы в ряды исключительных и каждый стал бы с гордостью говорить, что эти книги выпущены в России и оттого они так хороши.

Попробуйте это сделать, полюбите книгу, относитесь к каждой попадающей в ваши руки работе не спустя рукава, а с сознанием, что книга — это лучшее сокровище человечества и вы достигнете того же, чего достигли знаменитые типографщики.

Я был бы бесконечно счастлив, если бы изложенные мысли в связи с кратким описанием трудов Ивана Федорова нашли отклик и толкнули бы к такому отношению к работе, результат которой явился бы в виде красивых книг. Тогда мы спокойно повторяли бы приведенные немного выше слова, оправдав высказанное недавно на страницах журнала „Новая русская книга“, выходящего в Германии:

что „Роскошные издания в России изысканнее, тоньше, как, впрочем, все, что создано индивидуальным вкусом русских графиков". — Правда это относится как будто непосредственно к художнику, но последний без типографщика, знающего и любящего дело, не смог бы создать красивой книги; какое угодно украшение могут изгадить неумелые руки.

Пусть все проникнутся любовью, учатся, присматриваются, прислушиваются к указаниям прошлых и настоящих работников, еще работающих над книгой, и в дружной работе они совершат победу над разрухой и технической безграмотностью.

Воспевая труд, один из наших поэтов сказал:

„Труд — богатырь, порожденный веками,
Грудью могучей встречает беду,
Знамя его распростерлось над нами...
Честно послужим труду!"..

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА